

НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ РИСКОВ: СПЕЦИФИКА, ПРОБЛЕМАТИКА, ПРОТИВОРЕЧИЯ

При анализе современных парадигм развития современного общества исследователи склоняются к утверждению о том, что научные исследования общественного развития характеризуются рискологическим поворотом в социологическом знании. Риски все больше становятся явлением, причиной, следствием социальных изменений и процессов, характеристикой социальной реальности. В связи с этим особое значение приобретает наука, научные исследования всех аспектов возникновения и функционирования рисков.

Анализ работ ведущих специалистов в области рискологии, в первую очередь основоположника теории «общества рисков» У. Бека, позволяет говорить о специфической роли науки и научных знаний в выявлении и исследовании рисков и достаточно интересных противоречиях между их теоретическими осмыслениями и практикой применения полученных знаний.

Такая специфика обусловлена сложностью определения риска как такового. Научное осмысление рисков привело к формированию нескольких подходов к определению их сущности. При первом риск понимается как специфический процесс выбора альтернатив, вариантов действий в ситуации неопределенности; выбор действия, исход которого определяется случаем.

Во второй группе определений риск раскрывается через непосредственное действие (деятельность субъекта) в надежде на позитивный исход; действие в неясной, неопределенной обстановке; действие при наличии опасности, угрозы.

В третьей группе определений особый акцент делается на вероятности отрицательного характера последствий каких-либо событий: вероятность ошибки или неуспеха в ситуации с несколькими альтернативами; ущерб, связанный с реализацией решения; возможность наступления нежелательных последствий в резуль-

тате действия случайных факторов; событие, наступление которого содержит возможность каких-либо потерь [2, с. 88].

Известный российский социолог С. А. Кравченко определяет социальный риск «как возникновение ситуации с неопределенностью, основанной на дихотомии реальной действительности и возможности, как вероятности наступления объективно неблагоприятного последствия для социальных акторов (индивидуальных или коллективных), так и вероятности обретения выгод и благ, что субъективно воспринимается акторами в контексте определенных ценностных координат, на основании чего осуществляется выбор альтернативы действия» [3, с. 39].

Исходя из этих определений, можем утверждать, что специфика формирования и функционирования риска как такового заключается в том, что теоретические, даже научно обоснованные предположения о возможности его возникновения, не могут быть состоятельными, пока данный риск не проявится со всеми его проблемами и последствиями. Современные риски существуют, прежде всего, в форме знаний о них или в виде явного их проявления и функционирования. Таким образом, практическая оценка риска, которая возможна в большинстве случаев лишь после его проявления, принципиально отличается от научной тем, что научные предположения о его возникновении не всегда подтверждаются реальной практикой. И наоборот, риски могут возникать и проявляться независимо от того, научно это обосновано или нет.

К первым исследованиям роли науки и научных знаний в изучении рисков безусловного относится работа классика теории рисков У. Бека «Общество риска. На пути к другому модерну». Она практически вся пронизана попыткой взаимоотношения возникновения рисков, их функционирование и научные знания о них [1]. В своей работе У. Бек отрицает правомерность позиции естественнонаучного знания как абсолютного («наука знает лучше»). Он также отвергает претензию на «истину в последней инстанции». Современная наука, по его мнению, особенно в части общественных знаний, определенным образом ангажирована и изолирована от мнений и оценок, циркулирующих

в широкой социальной среде. Поэтому «большая наука» как социальный институт является, по его мнению, одним из главных производителей рисков. И в этом заключается одно из главных противоречий практики функционирования рисков и возможности их научного исследования.

Немецкий социолог отказывается и от принципа нейтральности, принятого в социологии знания, полагая, что социальные науки должны взять на себя не только исследовательские, но и политические задачи. По его мнению, в обществе риска даже умеренно-объективистская оценка последствий риска включает политику, этику и мораль. Политизация социального познания означает концентрацию исследователя на порождающем риске социально-политическом контексте (политических процессах, конфликтах, ценностных различиях и др.). При этом заметим, что в своей работе У. Бек основное внимание сосредоточил на рисках экологического порядка, а также на рисках, порожденных процессами модернизации. Научные же исследования рисков социальных базируются и на фундаментальных работах Э. Гидденса, Н. Лумана и др. [5, с. 80].

Так, анализируя экологические риски, У. Бек так определяет их специфику: «Многие из рисков нового типа (радиационное или химическое заражение, вредные вещества в пище, цивилизационные болезни) абсолютно не поддаются непосредственному чувственному восприятию человека. На передний план все больше и больше выдвигаются опасности, которых люди, им подверженные, часто не видят и не ощущают, опасности, которые скажутся уже не при жизни этих людей, а на их потомках, в любом случае такие опасности, для обнаружения и интерпретации которых нужны «воспринимающие органы» науки – теория, эксперименты, измерительные инструменты» [1, с. 30].

По его мнению, непрофессионалы должны иметь равные права с наукой в определении риска и принятии решений относительно его устранения (смягчения, компенсации). Поскольку речь идет о массовых социальных процессах – восприятии и оценке риска и формировании на этой основе политических программ, социология приобретает ключевую роль в системе взаимодействия

«наука – массовое общество». Эта роль состоит в критическом и мобилизующем действии, направленном на изменение парадигмы социального познания, на создание основы для социальной критики науки и форм ее взаимодействия с обществом. Социолог настаивает на демократизации науки, ее большем внимании к нуждам различных социальных групп и слоев, на праве непрофессионалов выступать в качестве «гражданских экспертов» и носителей локального знания, необходимого для вычисления риска в конкретных условиях места и времени.

Как считает У. Бек, прежние научные методологии, основанные на принудительной каузальности, более не являются удовлетворительными. Если при анализе рисков ставка делается на выявление жестких причинно-следственных связей, то непредвиденными последствиями тому может быть аккумуляция современных рисков. «Ученые настаивают на «добротности» своей работы, держат на высоком уровне теоретико-методологическое существование. Именно отсюда вытекает своеобразная аналогия общения с рисками. Умение настаивать на недоказанности причинных взаимосвязей вполне приличествует ученому и даже достойно похвалы. Но для подверженных риску такой подход оборачивается своей противоположностью: он ведет к накоплению рисков» [3, с. 94].

У. Бек приводит еще один пример, свидетельствующий о противоречии научного знания, о возможных рисках и практике их возникновения и функционирования. Ученый пишет: «Исследования надежности реакторов ограничиваются оценкой определенных рисков, поддающихся количественному анализу на примере вероятных аварий. Размеры риска с самого начала сводятся к проблеме технической управляемости. Но в публичных дискуссиях играют роль такие особенности риска, какие учеными вовсе не исследуются, например распространение атомного оружия, противоречие между человеческим организмом (ошибки, несостоятельность) и безопасностью, долгосрочность и необратимость принятых технологических решений, ставящих под угрозу жизнь следующих поколений. Иными

словами, в дискуссиях о рисках обнажаются трещины и разрывы между научной и социальной рациональностью в обращении с цивилизационными потенциалами риска» [1, с. 34].

Таким образом, научные знания о рисках индустриального развития должны быть соотнесены с социальными ожиданиями и оценочными горизонтами в той мере, в какой социальная полемика и восприятие рисков, в свою очередь, зависят от научных аргументов.

Несколько изменив известное высказывание, У. Бек утверждает: «Научный рационализм без социального – пуст, социальный без научного – слеп» [1, с. 35].

Кроме этого, как теоретик концепции «общества рисков», ученый справедливо делает вывод о том, что в обществе риска жизненные ситуации и выработка знаний непосредственно связаны и переплетены между собой. У. Бек вскрывает еще одно противоречие между рисками и знанием о них. Он отмечает, что различие между (рациональной) научной констатацией рисков и (иррациональным) их восприятием ставит с ног на голову роль научной и социальной рациональности в осмыслении цивилизационных рисков. Оно содержит в себе фальсификацию истории. Все то, что мы знаем сегодня о рисках и опасностях научно-технической цивилизации, утвердилось в борьбе с массивным отрицанием угрозы, с нередко ожесточенным сопротивлением «научно-технической рациональности», отмеченной самодовольно-ограниченной верой в прогресс. Научное исследование рисков повсюду тащится следом за критикой социальной среды, прогресса и культуры индустриальной системы [1, с. 70].

При этом необходимо попытаться найти ответы на вопросы о том, какие систематические ошибки и источники заблуждений заложены в научном осмыслении рисков, проявляющиеся только при их социальном восприятии? И, наоборот: в какой мере восприятие рисков зависит от научной рациональности?

И в этом смысле У. Бек справедливо замечает: «Мой тезис заключается в следующем: источник научно-технического скепсиса лежит не в «иррационализме» критиков, а в несостоятельности научно-технической рациональности перед лицом

растущих рисков и цивилизационных опасностей познать их до их наступления» [1, с. 71].

Эта несостоятельность, по его мнению, вытекает из системного институционально-методического подхода науки к рискам. Науки таковы, какими их делают. Ориентированные на узкую специализацию, отчужденно воздерживающиеся от проверки практикой, они совершенно не в состоянии адекватно реагировать на цивилизационные риски, поскольку в высшей степени причастны к их возникновению и росту. Более того: в конце концов, никто не может знать о рисках все, пока знание не будет получено опытным путем [1, с. 88].

Но этот «опытный» путь наиболее опасен, так как уже наступивший «de facto» риск таит в себе многочисленные проблемы и результаты, которые порой бывают необратимыми. Ученые, которые берут на себя смелость прогнозировать риски, фактически изолированы от использования своих результатов, здесь у них отсутствует всякая возможность влияния. Значит, этих ученых нельзя привлечь к ответу за фактические последствия результатов, полученных ими с аналитических позиций теоретическим путем [1, с. 264].

В конечном итоге У. Бек приходит к выводу о том, что не несостоятельность, а успешность наук свергла науки с их трона. Можно даже сказать: чем успешнее действовали науки в этом столетии, тем быстрее и основательнее релятивировались их изначальные притязания на значимость. В этом смысле научное развитие второй половины XX века переживает в своей непрерывности коренное изменение, в первую очередь, в своем научно-теоретическом и социальном самопонимании, в методических основах научного познания и их прикладной соотнесенности [1, с. 247].

Современные потребители научных услуг и знаний платят не за признанные или вскрытые заблуждения, не за фальсифицированные гипотезы, не за возрастание хитроумных сомнений в себе, а за реальные «знания», тем самым смягчая «общество рисков» «обществом знания» во всем его позитивном проявлении.

Несмотря на все проблемы и противоречия научного

осмысления рисков, в последнее время множатся попытки придать рискам научное обоснование. В современной социологии риска в значительной степени сформировались основные научные направления изучения этого феномена.

Первое направление – это исследование восприятия рисков и их социальное конструирование в контексте конкретной культуры. Авторы этой методологии исследования рисков – М. Дуглас и А. Вилдавский создают культурно-символическую теорию рисков. В 1983 г. они публикуют работу «Риск и культура», в которой утверждается, что риск имеет социальный, культурный и исторический контекст. Соответственно, восприятие рисков и их социальное конструирование, осуществляемые через призму культуры мировосприятия людей, различаются от страны к стране и от социальной группы к группе [3, с. 90].

Второе направление – изучение усложняющейся природы рисков с акцентом на анализ рефлексивности социума, выявление ненамеренных последствий модернизации, научные и технологические подходы. Это направление представляют Э. Гидденс, У. Бек, Н. Луман, С. Лаш и другие социологи [3, с. 93].

Третье направление – изучение рисков, их последствий в контексте рационализации общества, появление плюрализма типов рациональности.

Четвертое направление – теории, интерпретирующие рисковое поведение разных социальных и культурных групп, исследующие поведение людей в контексте производства, распределения и потребления рисков, делая особый акцент на анализе рискогенного социума – людей, считающихся группами риска. Предметом их изучения являются также риск-солидарности, как производитель рисков, так и их невольные потребители [3, с. 98].

Современные исследователи считают, что научные исследования риска целесообразно нацелить на решение, по крайней мере, трех задач: установление, описание и прогнозирование рисков; разработка эффективных методов анализа рисков; обеспечение научными данными коммуникаций о риске.

Важнейшей задачей, стоящей перед наукой, является задача дальнейшего уточнения понятия «риск», поскольку от того, что

именно будет названо риском, зависит очень многое. А именно, от этого зависит определение:

- возможных причин событий, их следствий и временных рамок, правил подсчета прибыли и возможного ущерба в ситуации риска;

- групп людей или организаций, которые могут испытывать последствия риска и в частности имеющих право претендовать на возмещение ущерба;

- представителей, организаций, профессиональных или иных групп, которые законным образом будут заниматься экспертизой конкретного риска, наблюдением за ним, информированием общественности;

- способов государственного вмешательства (запреты, стимулы, предписания) в ситуации, которые тяготеют быть «рисковыми»;

- направлений и объемов государственных и частных инвестиций для предотвращения рисков или ликвидации их последствий;

- стратегии предприятий, других организаций на принятие различных профилактических или оптимизационных мер по предотвращению рисков;

- альтернатив поведения людей (бегство, изменение образа жизни, протест и т. п.) в ситуации риска [2, с. 233].

В любом случае признание рисков как реальности нашей современности – уже большая научная победа. Ибо знание о них позволяет быть готовым принимать адекватные решения в случае их наступления и тем самым смягчать их последствия.

Список литературы

1. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / У. Бек. – М. : Прогресс-традиция, 2000. – 381 с.

2. Зубков В. И. Социологическая теория риска / В. И. Зубков. – М. : Академический проект, 2009. – 379 с.

3. Кравченко С. А. Риски в нелинейном глоболокальном социуме / С. А. Кравченко. – М. : Анкил, 2009. – 221 с.

4. Кравченко С. А. Социология риска: полипарадигмальний подход / С. А. Кравченко, С. А. Красиков. – М. : Анкил, 2004. – 385 с.

5. Кривошеїн В. В. Ризик як соціальне явище / В. В. Кривошеїн // Грані. – 2012. – № 6 (86). – С. 80–84.

О. А. Хомерікі

МОДЕРНІЗАЦІЯ ВІТЧИЗНЯНОЇ СИСТЕМИ ВИЩОЇ ОСВІТИ В УМОВАХ ВИКЛИКІВ СУЧАСНОСТІ

Кінець ХХ – початок ХХІ століття – час фантастично швидкої і надзвичайно глибокої трансформації всієї світової, регіональних і національних систем вищої освіти. Прагнення до розвитку, набуття безперервного характеру, входження до глобального світового простору, подолання усіх деформацій, нав'язаних попереднім історичним періодом, повинні стати домінантами українських освітніх реформ. Важливо розуміти, що правильні ідеї, закладені у базові освітні документи та програми, і навіть чималі зусилля для їх реалізації самі по собі ще не здатні забезпечити успіх: ідеї ці майже завжди зазнають деформацій, а часто і спотворень на шляху переходу в площину практичної дії. Промовистим є досвід «оновлення» вітчизняної освіти та спроби її реформування: культурний і, насамперед, інтелектуальний капітал українського суспільства не зростає, непослідовність, надмірна централізація управління вищою освітою, постійні обмеження академічної свободи й автономії університетів не дають реалізуватися тому потенціалу, яким багата українська вища школа.

Крім того, перед сучасною вітчизняною вищою освітою постає чимало викликів. Адже нині освіта не є обмеженою ані в просторі, ані в часі, її розмаїття і загальність не припускають жодної обмеженості. Університет – це принципово міжнародна громада, місце взаємодії, де збираються студенти з усіх куточків світу, зацікавлені в різноманітних галузевих знаннях. Цей принциповий